на женских пряслицах, венцах срубов, крышках от бочек, сапожных колодках, глиняных сосудах и т. д. и т. п. 26 июля 1951 года А. В. Арциховский впервые обнаружил во время раскопок в Новгороде берестяные грамоты, которые являются ценнейшими документами, совершенно по-новому освещающими многие стороны культуры Древнерусского государства.[1]

Появление с XII века особой профессии „книжный переписчик" свидетельствует о возрастании потребности в книгах, которую не могли удовлетворить монастырские писцы, работавшие больше для внутреннего потребления, чем на продажу. Рост грамотности ремесленного населения создавал благодатную почву для образования прослойки людей, живших списыванием книг. Книга становится товаром, предметом купли-продажи. Владимир Василькович, например, купил у „протопопине" молитвенник.[2] Имели место случаи воровства книг,[3] также свидетельствующие о том, что книга имела реальную рыночную ценность, что ее можно было продать.

В настоящее время трудно ответить на вопрос, в каком соотношении находились церковные и светские книги в домонгольское время. Однако ясно, что отношение это не может быть выведено из соотношения дошедших до наших дней книг светского и церковного содержания. Можно предположить, что если число церковных книг приближалось к сотне тысяч, то общее количество книг, бывших в обращении в Древнерусском государстве с X века по 1240 год, должно исчисляться порядком сотен тысяч единиц.

Сколь велика была книжная производительность в XI—XIV веках, можно судить, между прочим, по тому, что в продолжение второй половины XVI и всего XVII века пергаменом харатейных книг оклеивали тимпаны и фрашкеты[4] на Московском печатном дворе. Во всех уцелевших расходных книгах Печатного приказа XVII века начиная с 1620 года постоянно встречаются указания на покупку большого количества харатейных книг для вышеуказанных целей.[5] Книги, дошедшие до наших дней, составляют, видимо, доли процента от общего количества книг домонгольского времени. Удивляться этому совершенно не приходится, так как за 700—900 лет, прошедших с момента создания книг, было слишком много причин к тому, чтобы они не сохранились. Междоусобные войны, нашествия монголов и других внешних врагов, пожары истребляли массу книг.[6] Лучшая сохранность церковных книг объяс-

---

[1] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. Изд. АН СССР, М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. Изд. АН СССР, М., 1954.

[2] Ипатьевская летопись, под 1288 г.

[3] Патерик Киевского Печерского монастыря, слово 28.

[4] „Тимпан" (итал.) — деталь ручного печатного станка; представляет собой обтянутую пергаменом четырехугольную раму, на которую накладывали лист бумаги для оттиска; „фрашкет", „рашкет" (итал.) — рамка, прикрывающая лист, положенный на тимпан, от загрязнения при печатании.

[5] См.: В. Е. Румянцев. Иван Федоров — первый русский книгопечатник. М., 1871, стр. 5.

[6] Н. Аристов писал, что с 1055 по 1238 год было 80 областных войн (Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 251). В. В. Мавродин подсчитал, что за XIII—XIV века и первую половину XV века русские выдержали более 160 войн с внешними врагами (Образование Русского национального государства. М.—Л., 1941, стр. 127). С 1045 по 1712 год в Новгороде было 108 зафиксированных летописями пожаров, во время которых сгорело не менее 816 церквей (Д. Прозоровский. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887, стр. 158—177 и др.).